

Александр Восьмой

**ДРАМА Багровое море
(Даффи Толстяк)**

Александр Восьмой

**ДРАМА Багровое
море (Даффи Толстяк)**

«Автор»

2026

Восьмой А.

ДРАМА Багровое море (Даффи Толстяк) / А. Восьмой —
«Автор», 2026

В городе, где небоскрёбы пронзают небо, а коридоры сплетаются в бесконечный лабиринт, царит ужас и безысходность. Люди здесь — лишь «Тени»: их ломает голод, калечат кнуты, стирают из памяти за малейшую провинность. Над всем этим властвует Император Машина — безжалостный механизм, подавляющий любое сопротивление. Герой рождается из самой стены дамбы, сдерживающей зловещее Красное море — хранилище забытых воспоминаний и боли. Он — ключ к разгадке тайны города, но каждый шаг вперёд грозит новыми кошмарами. Восстание оборачивается бойней, выбор — катастрофой, а освобождение — апокалипсисом. Смогут ли «Тени» вновь стать людьми? Или Красное море смоем не только город, но и саму память о нём? Погрузитесь в мрачный, гипнотически атмосферный мир, где цена свободы — всё, что тебе дорого. Эта история заставит вас дрожать от ужаса и неотрывно следить за каждым поворотом судьбы.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

ДРАМА Багровое море (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Трещина в плоти дамбы»

Дамба жила. Не в том смысле, в каком живёт человек или зверь, а в смысле тяжёлого, угрюмого существования колосса, который помнит каждый удар волны, каждый скрежет металла, каждую каплю крови, впитавшуюся в бетон. Она стояла между городом и Красным морем, как граница между сном и кошмаром, и её тело — километры армированного камня, переплетения труб, кабелей, стальных жил — было испещрено шрамами времени.

В одном из самых глубоких, самых тёмных её слоёв, там, где давление воды становилось почти невыносимым, а тишина была такой плотной, что давила на уши, появилась трещина. Тонкая, как волос, но живая — она пульсировала в такт какому-то глухому ритму, будто в толще стены билось чужое сердце. По её краям сочилась вязкая, багровая субстанция — не вода, не кровь, а нечто среднее: густая, маслянистая жидкость, которая пахла ржавчиной и чем-то древним, давно забытым.

И в этой трещине что-то пробуждалось.

Не рождение в привычном смысле — не крик младенца, не первый вдох, не слёзы. Это было пробуждение материи, словно сама стена решила стать чем-то большим, чем просто преградой. Сначала это были лишь ощущения: давление, которое сжимало со всех сторон, шёпот, проникавший не через уши, а прямо в кости. Миллионы голосов — стоны металла, скрип бетона, эхо шагов тех, кто когда-то строил дамбу, крики тех, кто погиб под её тяжестью. Они сливались в единый гул, низкий и вибрирующий, как звук огромного барабана, который бьётся где-то глубоко под землёй.

Потом пришло чувство. Холод. Не просто низкая температура, а пронизывающий, высасывающий тепло изнутри холод, который заставлял каждую клетку сжиматься. И запах — тяжёлый, металлический, с примесью соли и гнили, будто сама дамба была ранена и теперь истекала не кровью, а самой своей сутью.

Трещина расширялась. Медленно, но неумолимо. С тихим, скрежещущим звуком, похожим на стон камня, края расходились, выпуская наружу то, что пряталось внутри. И вот из этой раны, из самой плоти дамбы, появилось нечто.

Сначала это была просто форма — неясный силуэт, едва различимый в полумраке. Потом стали проявляться детали: руки, ноги, голова. Но кожа... кожа была не человеческой. Она напоминала полированный камень, серовато-бежевый, с тонкими прожилками, похожими на трещины. На ней местами проступали те же багровые капли, что сочились из трещины, словно новая плоть ещё не до конца сформировалась, не успела стать полноценной.

Существо — назовём его героем, хотя в тот момент оно не знало, что такое имя, — сделало первый вдох. Воздух был тяжёлым, влажным, пропитанным запахом ржавчины и сырости. Он вошёл в лёгкие, как что-то чужеродное, и герой закашлялся, этот кашель прозвучал в тишине, как удар молота по железу.

Город вздрогнул.

Это не было метафорой. Дамба дрогнула — едва заметно, но достаточно, чтобы в дальних коридорах зазвенели трубы, а в квартирах на верхних этажах покачнулись люстры. Где-то далеко, в лабиринтах бесконечных коридоров, «Тени» — люди, потерявшие лица и имена, — замерли, почувствовав эту вибрацию. Они знали: когда город вздрагивает, это никогда не к добру.

Герой поднялся на ноги. Его движения были неуклюжими, словно тело ещё не до конца слушалось. Он огляделся, но вокруг была только тьма, прерываемая редкими пятнами тусклого света от аварийных ламп, и стены, стены, стены — бесконечные, холодные, безжалостные.

Он сделал шаг вперёд, и под ногой хрустнул какой-то обломок. Звук разнёсся по пустому пространству, отразился от стен и вернулся эхом, словно сам город повторял его шаг, насмехаясь над ним.

Ещё один шаг. Ещё один хруст.

И вдруг — звук, который заставил его замереть. Где-то неподалёку капала вода. Кап... кап... кап... Ритмично, монотонно, как отсчёт времени. Герой повернулся на звук и увидел, как с потолка срываются тяжёлые капли, падая на пол и образуя маленькие лужицы, которые тут же впитывались в пористый бетон.

А потом он услышал голоса. Не шёпот из глубины стены, а настоящие голоса — далёкие, приглушённые, но отчётливые. Крики. Стоны. Чей-то плач. Они доносились откуда-то сверху, из лабиринта коридоров и лестниц, которые вели к поверхности, к городу, который раскинулся за пределами дамбы.

Герой двинулся на звук. Его шаги становились увереннее, тело привыкало к новой форме. Он шёл по узкому проходу, стены которого были испещрены надписями — выцарапанными, выжженными, намалёванными краской. Слова на непонятном языке, проклятия, молитвы, имена тех, кто уже исчез.

Наконец проход вывел его в более широкое пространство — круглый зал, стены которого уходили вверх, теряясь в темноте. В центре зала был люк, ведущий наверх, к городу. И рядом с ним — фигура. Человек. Или то, что когда-то было человеком. Он сидел, прислонившись к стене, его одежда была изодрана, лицо покрыто грязью и кровью. Он поднял голову, когда герой подошёл, и в его глазах мелькнуло что-то — страх, узнавание, отчаяние.

— Ты... — прошептал человек, его голос был хриплым, будто он давно не говорил. — Ты из стены...

Герой не ответил. Он не знал, как говорить. Но он почувствовал, как в груди что-то сжалось — не боль, а осознание. Он был чужим здесь. Чужим даже для того, кто смотрел на него с таким странным выражением.

Человек попытался подняться, но ноги его подкосились, и он снова осел на пол.

— Они придут... — пробормотал он. — Стражники Императора Машины... Они чувствуют, когда что-то меняется. Ты... ты нарушил равновесие.

Герой наклонился к нему, пытаясь понять. Что значит «нарушил равновесие»? Что такое «Император Машина»?

Но человек уже закрыл глаза. Его дыхание стало прерывистым, а потом и вовсе затихло. Он умер — тихо, без драматизма, как умирают многие в этом городе: просто перестают бороться.

Герой остался один в этом зале, с мёртвым человеком у своих ног и люком, ведущим в город, который казался одновременно и спасением, и самой большой угрозой.

Где-то далеко раздался звук — низкий, вибрирующий гул, похожий на голос самого города. И в этом гуле герой различил слова, хотя никто их не произносил:

«Ты пришёл. Теперь всё изменится».

Он посмотрел на люк, потом на свои руки — руки, которые были одновременно и человеческими, и каменными. И сделал шаг вперёд.

К городу. К судьбе. К кошмару, который только начинался.

Глава 2. «Город, что пожирает свет»

Люк открылся с протяжным, скрежещущим стоном, будто сам механизм сопротивлялся тому, чтобы выпустить героя наружу. Холодный, пахнущий озоном и гнилью воздух ударил в лицо, и на мгновение мир перед глазами расплылся — не от слёз, а от резкой смены давления, от тяжести атмосферы, которая здесь, наверху, казалась почти осязаемой.

Герой выбрался на узкую техническую галерею, опоясывающую внутреннюю сторону дамбы. И замер.

Перед ним раскинулся город — не просто город, а чудовищный, бесконечный организм из камня и металла, пожирающий сам себя. Небоскрёбы уходили вверх на километры, их шпили терялись в свинцовых тучах, которые висели так низко, что казалось — протяни руку, и коснёшься мокрого, тяжёлого неба. Здания стояли вплотную друг к другу, образуя сплошные стены, между которыми змеились коридоры, галереи, переходы — бесконечные, однообразные, лишённые намёка на перспективу. Окна смотрели друг на друга, как пустые глаза, и в этом взаимном взгляде не было ни сочувствия, ни любопытства — только холодное безразличие.

Город дышал. Но это было не ровное, спокойное дыхание, а хрип, прерывистый и натужный, сопровождаемый лязгом механизмов, гулом далёких турбин и редким, зловещим скрипом, будто где-то далеко гигантские шестерни цеплялись друг за друга, не желая вращаться.

И в этом городе жили люди. Но здесь их не называли людьми. Их звали «Тени».

Они двигались бесшумно, скользя вдоль стен, прижимаясь к углам, стараясь стать незаметными. Их лица были серыми, как бетон, глаза — пустыми, словно из них давно вытравили всякое выражение. Одежда висела на них лохмотьями, пропитанная пылью и запахом страха. Они не смотрели друг на друга. Не разговаривали. Даже не кивали. Любое лишнее движение, любой звук могли привлечь внимание — и тогда из тёмных проёмов выныривали фигуры в чёрных плащах, с плетью в руках. Стражники Императора Машины.

Герой сделал шаг вперёд, и его ботинок глухо стукнулся о металлический настил. Звук разлетелся по галерее, отразившись от стен, и мгновенно всё вокруг замерло. «Тени», которые только что сновали туда-сюда, будто растворились в полумраке, исчезли в проёмах дверей, спрятались в нишах. Только одна фигура осталась на месте — старик в изодранном плаще, который стоял, прижавшись к стене, и смотрел на героя широко раскрытыми, полными ужаса глазами.

— Не шуми, — прошептал он, и голос его был похож на шелест сухих листьев. — Они слышат. Они всегда слышат.

Герой хотел спросить, кто такие «они», но старик только покачал головой, прижав палец к губам. Молчание. Это было первое правило города.

Второе правило — незаметность.

Третье — подчинение.

Старик медленно, стараясь не делать резких движений, подошёл ближе и жестом показал, чтобы герой пригнулся, спрятался в тени ниши. Герой подчинился, хотя каждая клетка его тела протестовала против этого — ему хотелось кричать, хотелось броситься вперёд, хотелось понять, где он и что с ним происходит. Но страх, висевший в воздухе, был настолько плотным, что проникал под кожу, заставляя мышцы сжиматься, а дыхание становиться тише.

В этот момент из бокового коридора появились стражники. Их было трое. Высокие, неподвижные, с лицами, скрытыми под металлическими масками, они двигались с механической точностью, словно не люди, а части огромного механизма. В руках у них были плети — длинные, с металлическими шипами на концах.

Они шли медленно, осматривая каждый угол, каждую тень. И вдруг один из них замер, повернув голову в сторону ниши, где прятались герой и старик. На мгновение показалось, что сквозь прорези маски сверкнули красные огоньки — но, возможно, это было лишь отражение тусклого света аварийных ламп.

Стражник сделал шаг вперёд. Ещё один. Его плетень слегка дёрнулась, словно живое существо, предвкушающее удар.

Старик закрыл глаза и прошептал что-то — молитву или проклятие, герой не разобрал. Время будто замедлилось. Капли конденсата, падающие с потолка, казались огромными, их

падение сопровождалось оглушительным звуком, который, казалось, должен был выдать их местоположение.

Но стражник вдруг резко развернулся и пошёл дальше, уводя своих спутников в тёмный проём. Напряжение, сковывавшее героя, немного ослабло, но не исчезло. Он понял: здесь нельзя расслабляться. Здесь любая ошибка, любой лишний звук могли стоить жизни.

Когда шаги стражников затихли вдали, старик выдохнул и сполз по стене, опустив голову на колени.

— Ты не отсюда, — тихо сказал он, не поднимая глаз. — Я вижу это по твоим глазам. В них ещё есть свет. А у нас его давно нет.

Герой хотел ответить, но слова застряли в горле. Вместо этого он просто кивнул, чувствуя, как холод пробирается под кожу.

— Здесь нет имён, — продолжал старик, его голос звучал так, будто каждое слово давалось ему с трудом. — Здесь есть только номера, только тени. Мы живём, чтобы работать, работаем, чтобы не умереть. Но смерть всё равно приходит. Она ходит по этим коридорам, заглядывает в каждую дверь, выбирает, кого забрать сегодня.

Он поднял голову и посмотрел на героя, и в его взгляде мелькнуло что-то, чего герой не ожидал увидеть в этом мёртвом городе — надежда. Слабая, едва заметная, но настоящая.

— Но ты... ты другой. Ты пришёл из стены. А значит, ты можешь быть тем, кто всё изменит. Или тем, кто всё разрушит.

Герой не знал, что ответить. Он просто смотрел на старика, пытаясь осознать масштаб того, во что он попал. Город, который казался бесконечным, подавлял своей монотонностью, своей безжалостной логикой, где человек был не более чем винтиком в огромном механизме, который работал только для того, чтобы продолжать работать.

Где-то вдалеке раздался глухой удар — будто закрылась тяжёлая металлическая дверь. Затем ещё один. И ещё. Ритмично, монотонно, как сердцебиение огромного чудовища. И в этом ритме герой вдруг услышал голос, который не принадлежал ни старику, ни ему самому:

«Ты здесь. Мы чувствуем тебя. Ты нарушаешь порядок. Ты — ошибка. И ошибки должны быть исправлены».

Старик вздрогнул, услышав эти слова — или, возможно, почувствовав то же самое. Он резко поднялся, схватил героя за руку и потащил за собой в тёмный проход.

— Быстрее, — прошептал он. — Пока они не поняли, кто ты. Пока не начали охоту.

Они бежали по узким коридорам, мимо выбитых дверей, мимо пустых квартир, где на полу валялись обрывки старых газет и сломанные игрушки. Мимо окон, за которыми виднелись такие же окна напротив — бесконечный лабиринт отражений, в котором невозможно было найти выход.

Аварийные лампы мерцали, то вспыхивая ярким светом, то погружая коридор в кромешную тьму. В эти мгновения казалось, что город исчезает, растворяется в темноте, оставляя только эхо шагов и тяжёлое дыхание беглецов.

Наконец они остановились в маленькой, тесной комнате без окон. Старик захлопнул за собой дверь и прислонился к ней, тяжело дыша.

— Здесь они не сразу найдут, — сказал он. — Но ненадолго. Нужно решить, что делать дальше.

Герой сел на пол, прислонившись к холодной стене, и посмотрел на свои руки — руки, которые были одновременно и человеческими, и каменными. Он чувствовал, как город проникает в него, как его тяжесть оседает в костях, как монотонность этого места начинает влиять на его мысли.

«Я должен выбраться отсюда», — подумал он. Но даже эта мысль казалась слабой, почти безнадёжной. Потому что город был повсюду. Он был в стенах, в полу, в воздухе. Он пожирал свет, пожирал надежду, пожирал саму возможность сопротивления.

Старик сел рядом и положил руку на плечо героя.

— Я знаю, о чём ты думаешь, — тихо сказал он. — Ты думаешь, что здесь нет выхода. Но выход есть. Просто он не там, где его ищут.

Он достал из кармана маленький, потрёпанный листок бумаги и протянул его герою. На нём была нарисована схема — запутанная, с множеством стрелок и пометок, но в центре её была одна точка, обведённая красным.

— Это место, — прошептал старик. — Сердце города. Там, где сидит Император Машина. Говорят, что если добраться до него, можно всё изменить. Или погибнуть. Третьего не дано.

Герой взял листок и посмотрел на схему. Линии переплетались, образуя сложный узор, который напоминал лабиринт. Но в этом лабиринте была цель. И, возможно, единственный шанс на спасение.

Где-то далеко снова раздался глухой удар. Ритм города продолжался. И в этом ритме слышалось предупреждение:

«Мы ищем тебя. Мы найдём тебя. И когда это случится, ты пожалеешь, что пришёл».

Герой сжал листок в руке и поднял глаза на старика.

— Веди меня, — сказал он. — Покажи, как добраться до сердца города.

Старик кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на решимость.

— Тогда нам нужно спешить, — прошептал он. — Потому что время здесь — самый редкий и самый ценный ресурс. И его у нас почти не осталось.

Они поднялись и двинулись дальше, вглубь города, который пожирал свет и души, но который, возможно, ещё можно было спасти — или хотя бы попытаться.

Глава 3. «Кровь моря и бетон»

Путь к нижним уровням города был не просто спуском — это было погружение в самую суть города, в его тёмные, пульсирующие артерии. Лестницы сменялись пандусами, те — узкими служебными тоннелями, где воздух становился всё тяжелее, а гул — всё глубже, будто они приближались к сердцу какого-то исполинского зверя. Старик шёл впереди, двигаясь с привычной осторожностью, каждый его шаг был выверен, чтобы не задеть болтающийся кабель, не наступить на ржавую скобу, не выдать себя лишним звуком. Герой следовал за ним, чувствуя, как с каждым метром вниз меняется сама атмосфера: запах пыли и машинного масла уступал место чему-то более древнему, более живому — солёному, металлическому, почти кровавому.

— Здесь ближе всего к морю, — прошептал старик, останавливаясь перед массивной дверью, покрытой слоями краски, каждый из которых был темнее предыдущего. — Ближе, чем где-либо ещё. И опаснее. Стражники редко спускаются сюда — говорят, что море шепчет, и эти шёпоты сводят с ума. Но мы должны рискнуть.

Он потянул на себя тяжёлую дверь, и та открылась с протяжным, болезненным скрипом, словно стена не хотела выпускать наружу то, что скрывалось за ней. За дверью тянулся длинный коридор, стены которого были не из гладкого бетона, а из грубых, неровных плит, будто собранных в спешке. По ним стекали тонкие струйки влаги, оставляя ржавые потёки, напоминающие следы засохшей крови.

Коридор вывел их в небольшое помещение, похожее на заброшенный диспетчерский пункт: разбитые панели, свисающие провода, покрытые пылью экраны, которые иногда вспыхивали хаотичными помехами. Но главным в этой комнате было не оборудование, а огромная, во всю стену, смотровая панель — толстое, армированное стекло, за которым бушевало Красное море.

Оно не было красным в обычном смысле — не алым, не рубиновым. Его цвет был сложным, многослойным: ржаво-коричневый у поверхности, тёмно-багровый в глубине, с проблес-

ками чего-то золотого, будто в толще воды плавали крупницы металла. Море не просто билось о дамбу — оно *давило* на неё, с такой силой, что стекло слегка вибрировало, передавая эту дрожь через пол, через стены, прямо в кости.

Герой подошёл ближе, почти прижав ладони к стеклу. И в этот момент он почувствовал это — связь. Не мысль, не слово, а ощущение: море знало его. Оно тянулось к нему, как тянется живое существо к тому, кто ему роднее всего. В голове вспыхнули образы — не воспоминания, а скорее предчувствия: дамба, возводимая в спешке, крики, звон металла, запах гари... и море, которое ждало.

«Оно помнит», — прошептал голос в его сознании, и герой не был уверен, его ли это мысль или шёпот самого моря.

Старик наблюдал за ним с тревогой.

— Ты чувствуешь его, да? — тихо спросил он. — Говорят, что море питается страхом. Чем больше люди боятся, тем сильнее оно становится. А дамба... дамба построена на костях. На костях тех, кто строил её и кто погиб, пытаясь сбежать. Это не просто преграда — это печаль. И ты... ты родился из этой печали.

Герой отвёл взгляд от моря и посмотрел на старика.

— Почему ты мне это рассказываешь?

Старик горько усмехнулся.

— Потому что я видел таких, как ты. Не часто. Раз в несколько десятилетий. Они появлялись — и исчезали. Кто-то сгорал от силы, которую не мог удержать. Кого-то находили стражники. А кто-то... кто-то пытался бороться. Но город всегда побеждал.

Он подошёл к одному из шкафов, который чудом уцелел среди хаоса, и вытащил из него стопку пожелтевших листов, скреплённых ржавой скобой.

— Это старые записи. Их прятали те, кто помнил, каким город был до Императора Машины. Здесь говорится о том, что дамба — не просто инженерное сооружение. Она живая. Или была живой. И те, кто рождается из её стен... они не случайны. Они — часть её памяти. Её голоса.

Герой взял листы и начал читать. Почерк был неровным, дрожащим, будто писавший боялся, что его поймут в любой момент. Слова складывались в жуткую картину: легенды о первых строителях, которые исчезали целыми бригадами; слухи о том, что море не просто вода, а хранилище душ; упоминания о «пробуждённых» — тех, кто появлялся из стен, как он сам. И самое главное — фраза, обведённая жирными чернилами: *«Они приходят, когда печать слабеет. И тогда всё изменится»*.

Внезапно стекло перед ними дрогнуло сильнее, и по его поверхности пробежала тонкая трещина, тут же затянувшаяся, будто само море не хотело, чтобы кто-то видел его слабость. Вибрация усилилась, и в воздухе появился запах озона — резкий, электрический, предвещающий бурю.

Где-то далеко, в глубинах города, раздался низкий, протяжный гул — не механический, а почти животный, как рёв раненого зверя. И вслед за ним из динамиков, висевших под потолком, раздался голос — холодный, металлический, но в нём слышалась древняя усталость:

«Нарушение периметра. Обнаружена аномалия. Активировать протокол подавления».

Старик побледнел.

— Они знают, — прошептал он. — Они всегда знают, когда море начинает говорить.

Он схватил героя за руку и потащил к выходу.

— Быстрее! У нас есть несколько минут, пока они не заблокируют все проходы.

Они выбежали в коридор, и в тот же момент за их спинами с грохотом опустились тяжёлые металлические заслонки, отрезая путь назад. Воздух стал ещё тяжелее, а вибрации — сильнее. Казалось, сам город напрягся, готовясь к удару.

Пока они бежали по узким переходам, герой всё ещё сжимал в руке те листы. И среди строк, написанных дрожащей рукой, он вдруг заметил одну деталь, которую пропустил раньше: на полях, едва различимым почерком, было выведено: *«Ты не первый. И не последний. Найди тех, кто помнит»*.

Море продолжало давить на дамбу, и каждый его удар отдавался в груди героя, как собственное сердцебиение. Он чувствовал, как сила, дремавшая в нём с момента рождения, пробуждается, растекаясь по венам, смешиваясь с кровью, с бетоном, с самой сутью города.

И в этот момент он понял: море не просто звало его. Оно *признавало* его. И если он не найдёт ответы, если не поймёт, кто он и зачем пришёл, то город поглотит его так же, как поглотил всех остальных.

А где-то в глубине, за стенами, за бесконечными коридорами, за миллионами окон, в которых отражалась только пустота, Император Машина уже готовил свой ответ. И этот ответ был всегда одним и тем же — сталь, огонь и тишина.

Глава 4. «Император Машина: сердце, что не бьётся»

Путь к центру города был выстроен как ритуал унижения. Каждый переход, каждый лестничный пролёт, каждый коридор — всё вело не просто к географической точке, а к средоточию власти, где сама архитектура напоминала: ты ничто, ты пыль, ты винтик, который в любой момент могут выкрутить и выбросить. Старик больше не шептал — он вообще перестал говорить, лишь изредка дёргал героя за рукав, указывая, куда свернуть, где пригнуться, где затаиться, пока по параллельному коридору грохотали сапоги стражников.

Наконец они оказались на краю огромной круглой площади, вырубленной в теле города, словно гигантская воронка, уходящая вниз. По её краям возвышались башни, испещрённые решётками динамиков — их было сотни, если не тысячи, и все они смотрели в центр, как глаза бездушного божества. В самом центре площади возвышался Император Машина.

Это не был человек в доспехах и не статуя. Это был механизм — колоссальный, сложный, пугающе гармоничный в своей безжалостной симметрии. Его корпус состоял из концентрических колец, которые медленно, с тяжёлым лязгом, вращались друг относительно друга. Из щелей вырывались струи пара, пахнувшего озоном и горелым маслом. В центре конструкции мерцал тусклый красный кристалл — не сердце, но его имитация, пульсирующая в ритме, который совпадал с гулом города.

И голос... Голос Императора Машины звучал отовсюду. Не из одного динамика, а из всех сразу, создавая эффект, будто слова рождаются прямо в голове, минуя уши. Холодный, ровный, лишённый малейших оттенков эмоций, он заполнял пространство, вытесняя любые другие звуки.

— Нарушение порядка зафиксировано, — произнёс голос, и каждое слово отдавалось в груди тяжёлым ударом. — Провокационные высказывания в секторе 743. Подстрекательство к неповиновению. Приговор: публичное наказание. Исполнение немедленно.

Толпа «Теней», собравшаяся на площади, не шелохнулась. Ни криков, ни протестов, ни даже шёпота. Только едва уловимое движение — люди инстинктивно отступали назад, стараясь стать ещё незаметнее, раствориться в полумраке, слиться с бетоном. Но в центре, на металлическом помосте, стоял человек. Совсем молодой, почти мальчик, с лицом, исхудавшим от голода, но в глазах которого ещё горел упрямый огонь.

Его руки были прикованы к столбу, цепи звенели при каждом его движении, но он не опускал головы.

— Вы не имеете права! — крикнул он, и его голос прозвучал неестественно громко в этой давящей тишине. — Люди умирают! Мы имеем право знать, почему нам дают крохи, когда город производит достаточно для всех!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.